

Целью статьи является изучение литературного прецедентного имени в коммуникативном сознании современного поколения. Основное содержание исследования составляет анализ психолингвистического эксперимента, показывающего особенности функционирования прецедентных имен. Особое внимание авторы уделяют дискуссионному вопросу о возможности снижения уровня прецедентности имен персонажей классических художественных произведений в сознании молодого поколения в связи с переходом от «понятийного» типа мышления к «клиповому». На примере имени персонажа поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души» «Плюшкин» раскрываются особенности функционирования литературных прецедентных имен. Результат эксперимента устанавливает, что имя «Плюшкин» является прецедентным для молодых носителей русской культуры.

Ключевые слова и фразы: литературное прецедентное имя; когнитивное сознание; когнитивная база; понятие «молодое поколение»; интертекстуальность; прецедентность; прецедентное имя «Плюшкин».

Жиленкова Ирина Ивановна, к. филол. н., доцент

Титова Анна Сергеевна

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
zhilenkova@bsu.edu.ru; titova_a@bsu.edu.ru

Прецедентное имя «Плюшкин» в коммуникативном сознании современного поколения

Прецедентное имя - существенный аспект изучения когнитивной базы национального лингвокультурного сообщества. Литературные прецедентные имена, восходящие к классическим художественным произведениям, являются интертекстуальными знаками - «феноменами культуры, предполагающими межпоколенную связь» [5, с. 204]. Они «проверяются» временем и традицией, не теряя своей актуальности, воспроизводимости и значимости (как, например, бывает с «временно прецедентными» именами многочисленных политиков, деятелей шоу-бизнеса, блогеров и т.д.). Существовая в текстах-реципиентах, прецедентные имена, как и другие прецедентные феномены (прецедентные тексты, прецедентные высказывания, прецедентные ситуации), выполняют определенное авторское «задание», участвуя в создании некоей имплицитивной формулы, в соответствии с которой текст-источник связывается с новым текстом. В данном случае понятие текст рассматривается в широком значении как система неких кодов, хранящих «информацию об истории, этнографии, отношениях между людьми, национальной психологии, привычках и поведении нации, обо всем, что является содержанием культуры» [7, с. 12]. Для понимания этой формулы, то есть для осуществления коммуникации, необходимо, чтобы феномен являлся прецедентным и для автора, и для читателя. Как долго и в каком виде существует прецедентный феномен в неканонической, «отложенной» коммуникации, проходят ли пресуппозиции через время и пространство, сохраняя изначальные смыслы, или приобретают иную смысловую нагрузку?

На традиционные факторы, осложняющие «отложенный» коммуникативный процесс, среди которых воздействие новой информации, пополнение когнитивной базы, видоизменение кода, изменение ценностной картины мира, накладывается еще один, связанный с индивидуальным когнитивным пространством, - трансформация сознания читателей, переход от *понятийного* типа мышления к *клиповому* (фрагментарному), который характерен, по мнению исследователей, для молодого поколения. Молодое поколение - новая социокультурная формация, связанная с явлением интернет-коммуникации. Если принять во внимание, что последняя получила наибольшее развитие в предшествующие 15-20 лет, под молодым поколением в данной работе понимается группа людей, рожденных в 1990-х - начале 2000-х гг. (в возрасте от 17 до 30 лет). Понятийный тип мышления формируется в процессе развития «книжной» культуры, клиповый - под влиянием «экрана» (ленты новостей, небольших текстов, картинок, коротких видеоклипов) [8, с. 272]. При таком противопоставлении **актуальным** представляется вопрос: не теряют ли сегодня классические художественные тексты своей «культурной значимости», не снижается ли уровень *прецедентности* феноменов, источниками которых они являются?

В целях выяснить особенности бытования прецедентных имён, связанных со знанием классических произведений русской литературы, в сознании молодого поколения, а также выявить имена, являющиеся для него прецедентными, мы поставили перед собой следующие **задачи**:

- 1) используя **метод** анкетирования, провести психолингвистический эксперимент по образцу, предложенному и описанному Д. Б. Гудковым [1];
- 2) проанализировать результаты эксперимента, используя **методы** статистического исследования (сводка и группировка материалов статистического наблюдения, выборочный метод).

Научная новизна состоит в подходе к изучению прецедентного имени как к единице *когнитивной базы* молодого поколения XX! века.

Наш эксперимент был сфокусирован на прецедентном имени *Плюшкин*.

В своей теоретической части данная работа опирается на исследования российских учёных: Ю. Н. Караулова (1986, 1987), В. В. Красных, Д. Б. Гудкова, И. В. Захаренко, Д. В. Багаевой (1997), Ю. А. Сорокина (1998), Р. В. Попадинец (2006), Н. А. Кузьминой (2011), И. И. Чумак-Жунь (2014), Е. А. Нахимовой (2018) и др.; в описательной части используются разработанные ими термины и понятия. Кратко поясним некоторые из них.

В. В. Красных и её коллеги (Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, Д. В. Багаева) предлагают рассматривать процесс структурирования знаний о мире и обмена информацией в различных группах (культурных, этнических, конфессиональных, профессиональных и т.п.) как единое целое, в которое вовлечены знания и представления, сформированные благодаря вербальным и невербальным источникам опыта, а также знания языка и знания о языке [4]. Единицы информационной системы такого рода В. В. Красных называет когнитивными структурами, а *когнитивной базой* именуется определённым образом структурированную совокупность знаний национально-лингвокультурного сообщества, ядерными элементами которой являются прецедентные феномены [3]. К *прецедентным*, то есть значимым для конкретной культуры и её носителей, *феноменам* традиционно относят прецедентные имена, ситуации, высказывания и тексты.

Прецедентное имя (ПИ). Имя становится прецедентным в том случае, когда перестает обозначать конкретного носителя, а становится вербальным знаком некоего культурного концепта со своей уникальной системой ассоциаций, вызываемых им в сознании носителей языка. Отличить прецедентное имя от непрецедентного позволяет наличие у имени инварианта восприятия - это «общий для всех членов данного культурного сообщества, включающий национально детерминированный набор признаков в минимизированном, редуцированном виде. Именно наличие инварианта восприятия прецедентного имени позволяет отличить прецедентное имя от непрецедентного» [2, с. 84]. В. В. Красных отмечает, что прецедентное имя имеет определенную структуру: ядро инварианта восприятия прецедентного имени составляют дифференциальные признаки, периферию - атрибуты [3, с. 80].

Когда адресант и адресат высказывания понимают друг друга и испытывают интеллектуальное удовлетворение от самого факта раскрытия «свёрнутой» метафоры, заключенной в прецедентном имени, полученный опыт закрепляется в сознании участников коммуникации как успешный. Ситуации, когда зашифрованная путём введения в текст прецедентного феномена аллюзия не распознаётся читателем, указывают на различия в когнитивной базе адресата и адресанта, причины и следствия которых различны.

Прецедентность, в отличие от интертекстуальности, всегда соотнесена «с тем, что происходит сейчас и актуально сегодня, но вовсе не обязательно будет значимо завтра» [6, с. 153]. Имя литературного персонажа может многократно встречаться в текстах-реципиентах, быть легко узнаваемым, но не для всех носителей языка и культуры являться «значимым», широко употребляемым в коммуникации.

Плюшкин - литературное прецедентное имя, его источником является художественное произведение, поэма Н. В. Гоголя «Мертвые души» (1842 г.). Когда «значение литературного персонажа выходит за рамки сюжета произведения, и он начинает жить как бы самостоятельной жизнью, появляясь в произведениях других авторов» [10, с. 554], мы сталкиваемся с примером *квазиличности*. Квазиличность - «личность, не связанная с конкретным, реально существующим индивидом, но присутствующая в сознании других людей подобно реальной личности» [Там же]. С середины XIX века и по сегодняшний день данный прецедент активно функционирует в текстах-реципиентах (литературоведческих статьях, художественных произведениях, очерках, интернет-статьях и т.д.) как в экстенциональном, так (что более важно для выделения имени как прецедентного) в интенциональном значении, что подтверждается материалами, представленными в Национальном корпусе русского языка НКРЯ [12] и текстами, обнаруженными в результате интернет-поиска на сайте Google Новости [11]. В контекстах XIX века ПИ *Плюшкин* преимущественно выступает как знак-символ скупости, в текстах-реципиентах XX века «ведущим» становится дифференциальный признак *бессмысленное накопительство*, который используется для характеристики людей, тяготеющих к собирательству всевозможных, чаще всего ненужных, старых вещей. В XX! веке имя *Плюшкин* закрепляется в квазимедицинском термине «Синдром *Плюшкина*» (Compulsive hoarding), который многократно встречается в современных средствах массовой информации, рассказывающих об одиноких, преимущественно старых людях, захламляющих из-за психологической болезни свои дома и квартиры всевозможным мусором [9].

Свободный ассоциативный эксперимент должен был показать, сколько процентов представителей молодого поколения «вспомнит» героя «Мёртвых душ» и какие имена в сознании студентов обладают теми же дифференциальными признаками, что и ПИ *Плюшкин*, в ядро инварианта восприятия которого входят дифференциальные признаки *бессмысленное накопительство* и *скупость* (данные подтверждены исследованиями 2017-2018 гг.) [Там же].

В эксперименте с анкетированием участвовали носители русского языка - студенты первого и третьего курсов технических и гуманитарных специальностей университетов г. Белгорода (количество участников - 126 человек).

Студентам предлагалось анонимно ответить на 7 вопросов следующего типа: *Чье имя/фамилия (реальное или вымышленное) в русской литературе, истории, политике, музыке, кино и т.п. является для Вас символом глупости? (скупости /добра /зла /бессмысленного накопительства /ума /красоты)*. По результатам эксперимента, в соответствии с нашей гипотезой, испытуемые должны были указать имя *Плюшкин* как реакцию на вопросы 2 (*скупость*) и 5 (*бессмысленное накопительство*). Используя в качестве ассоциативного стимула не имя, а дифференциальные признаки (обратный ассоциативный эксперимент), мы предполагаем,

что вопрос, построенный таким образом (ср.: *Что имеется в виду, если о человеке говорят, что он настоящий Плюшкин?*), ярче демонстрирует степень прецедентности конкретного имени. Уточним, что вопросы 1, 3, 4, 6, 7 были заданы «как сопутствующие» - с целью избежать акцентирования внимания студентов на интересующих нас дифференциальных признаках ПИ *Плюшкин*, и в данном исследовании ответы на эти вопросы не анализируются. Кроме того, несмотря на то, что в вопросах звучало определение «русский», студентам (интересующимся данным уточнением) разрешалось писать любые имена, не только представителей русской литературы, истории, музыки и т.д., но и зарубежной, для чистоты возникающих у них ассоциаций.

Всего было проанализировано 252 реакции испытуемых (126 карточек, ответы - на второй и пятый вопросы). В первую очередь нас интересовало количество испытуемых, для которых ответом на вопросы 2 и/или 5 было имя *Плюшкин*. Процент «эталонного» ответа составил 35% (44 ответа из 126). Далее мы проанализировали материал с позиции преобладания или равномерного функционирования дифференциальных признаков ПИ *Плюшкин*. Процентное соотношение ассоциаций испытуемых представлено в Таблице 1.

Таблица 1. «Ведущий» дифференциальный признак ПИ *Плюшкин*

Дифференциальный признак	Процент по отношению к общему количеству ответов (44)
Бессмысленное накопительство	59% (26 ответов)
Скупость	18% (8 ответов)
Бессмысленное накопительство и скупость (10 испытуемых написали имя <i>Плюшкин</i> дважды (отвечая на 2 и 5 вопрос))	23% (10 ответов)

Результат подтверждает вычленение дифференциального признака *бессмысленное накопительство* как «ведущего» в инварианте восприятия ПИ *Плюшкин*.

Следует также отметить, что ряд реакций (12% (15 из 126)) на вопросы 2 и 5 - имена других персонажей поэмы «Мертвые души» (*Чичиков, Коробочка*), что может говорить о более высокой степени прецедентности самого произведения по отношению к отдельным именам гоголевских персонажей.

До сих пор речь шла об особенностях функционирования в сознании молодого поколения ПИ *Плюшкин*. Рассмотрим результаты анализа общего количества ответов на вопросы 2 и 5 с целью определения имен (с дифференциальными признаками *скупость* и *бессмысленное накопительство*), которые можно считать для испытуемых прецедентными. Процентное соотношение ассоциаций на вопрос 5 представлено в Таблице 2.

Таблица 2. Имена с дифференциальным признаком «бессмысленное накопительство»

Ассоциация	Процент по отношению к общему количеству ответов
Отсутствие ассоциаций	35% (44 из 126)
<i>Плюшкин</i>	29% (36 из 126)
Единичные варианты (например: <i>Танос</i> из фильма «Мстители», <i>А. Н. Михайлов, Путин, Уоррен Баффет</i> , старуха-процентщица, <i>Верка Сердючка, Скрудж Макдак</i>)	25% (31 из 126)
<i>Коробочка</i>	5% (6 из 126)
<i>Чичиков</i>	2% (3 из 126)
депутаты	2% (3 из 126)
<i>Обломов</i>	2% (3 из 126)

Процентное соотношение ассоциаций на вопрос 2 представлено в Таблице 3.

Таблица 3. Имена с дифференциальным признаком «скупость»

Ассоциация	Процент по отношению к общему количеству ответов
Единичные варианты (например: <i>Око Саурана, Иван III, Джордж Сорос, Ксения Собчак, Роза Сябитова, Медведев, Мидас, Кольван</i>)	36% (45 из 126)
Отсутствие ассоциаций	26% (33 из 126)
<i>Плюшкин</i>	14% (18 из 126)
<i>Гарпагон</i>	10% (13 из 126)
<i>Чичиков</i>	6% (8 из 126)
<i>Скрудж Макдак</i>	5% (6 из 126)
<i>Коробочка</i>	2% (3 из 126)

В целом результаты исследования привели нас к следующим **выводам**:

1. Имя *Плюшкин* в сознании молодого поколения можно считать прецедентным (несмотря на относительно невысокий (35%) процент «эталонной» ассоциации, имя занимает лидирующее место по количеству

ответов-совпадений и на 2, и на 5 вопросы). Материалом для дальнейших исследований проблемы прецедентности может послужить факт достаточно высокого процента отсутствия ассоциаций (35% и 26%) и единичных ответов (25% и 36%). Данное положение наталкивает на мысль о необходимости детального изучения значимости имен собственных в формировании когнитивной базы молодого поколения в соотношении с другими единицами последней, а также об акцентировании научного внимания на вопросе индивидуальных особенностей прецедентного пространства языковой личности.

2. Затронув проблематику особенностей мышления современных школьников и студентов, мы коснулись вопроса возможности снижения уровня «значимости» литературных прецедентных имен в сознании молодого поколения. Результаты исследования не позволяют воспринимать такие предположения как действительные. Во-первых, ПИ *Плюшкин*, как уже отмечалось выше, занимает лидирующее место по количеству совпавших ассоциаций, подтверждающих наличие инварианта восприятия. Во-вторых, значительное количество испытуемых ассоциировало дифференциальный признак *скудность* с другим *литературным* прецедентным именем - *Гарпагон*. Но открытым при этом остаётся вопрос уровня «воспроизводимости» *литературных* прецедентных имен в кругу молодого поколения. Необходимы дальнейшие широкомасштабные исследования, анализирующие соотношение функционирования *литературных* прецедентных имен в сознании молодого поколения с прецедентными именами другого типа; экспериментальные исследования, помогающие выявить имена, имеющие высокую степень прецедентности для современного поколения.

Список источников

1. Гудков Д. Б. Прецедентное имя в когнитивной базе современного русского (результаты эксперимента) // Язык, сознание, коммуникация: сборник статей / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: Диалог-МГУ, 1998. Вып. 4. С. 82-93.
2. Захаренко И. В., Красных В. В., Гудков Д. Б., Багаева Д. В. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов // Язык, сознание, коммуникация: сборник статей / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: Диалог-МГУ, 1997. Вып. 1. С. 82-103.
3. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: курс лекций. М.: Гнозис, 2002. 284 с.
4. Красных В. В., Гудков Д. Б., Захаренко И. В., Багаева Д. В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 1997. № 3. С. 62-75.
5. Кузьмина Н. А. Интертекст: тема с вариациями. Феномены культуры и языка в интертекстуальной интерпретации. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2009. 228 с.
6. Кузьмина Н. А. Интертекстуальность современных СМИ: тенденции развития // Стилистика сегодня и завтра: медиатекст в прагматическом, риторическом и лингвокультурологическом аспектах: доклады Междунар. науч. конф. М.: Фак. журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова, 2010. С. 152-157.
7. Павлова Т. А. Лингвокультурологические характеристики коммуникативного пространства детской поэзии: на материале английских и русских стихов для детей: автореф. дисс. ... к. филол. н. Калининград, 2011. 25 с.
8. Старицына О. А. Клиповое мышление vs образование. Кто виноват и что делать? // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2018. Т. 7. № 2 (23). С. 270-274.
9. Титова А. С. Функционирование имен персонажей поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души» как прецедентных в русской лингвокультурной среде // Карамзинские чтения: сб. материалов II Всерос. науч. конф. (г. Белгород, 15 дек. 2017 г.) / отв. ред. Л. И. Плотникова. Белгород, 2018. С. 147-149.
10. Чумак-Жунь И. И. Поэтическое прецедентное имя в культурном контексте: динамика и прагматика // Русский язык и ономастика в поликультурном образовательном пространстве Юга России и Северного Кавказа: проблемы и перспективы: сб. материалов XI Междунар. науч. конф., посвящ. памяти Р. Ю. Намитковой (г. Майкоп, 20-23 дек. 2017 г.). Майкоп, 2017. С. 552-556.
11. <http://news.google.com/> (дата обращения: 27.12.2019).
12. <http://www.ruscorpora.ru/new/> (дата обращения: 26.12.2019).

Precedent Name "Plyushkin" in Modern Communicative Consciousness

Zhilenkova Irina Ivanovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor

Titova Anna Sergeevna

Belgorod State National Research University
zhilenkova@bsu.edu.ru; titova_a@bsu.edu.ru

The article examines the functioning of a literary precedent name in modern communicative consciousness. The study is based on the analysis of a psycholinguistic experiment aimed to show specificity of the precedent name functioning. The researchers' attention is focused on the debatable problem of whether there is a decrease in the level of precedence of famous literary personages' names in modern consciousness due to transition from "conceptual" to "clip" thinking. By the example of the name of a personage of N. V. Gogol's poem "Dead Souls" the researchers reveal specificity of the literary precedent name functioning. The experiment results indicate that "Plyushkin" is a precedent name for the young Russian culture bearers.

Key words and phrases: literary precedent name; cognitive consciousness; cognitive basis; "young generation" notion; intertextuality; precedence; precedent name "Plyushkin".